

— Хабар!..

С ворохом документов в кабинет вошла потомственная секретарша Нюша, представитель секретарской трудовой династии. Крупный специалист — на женщин вроде неё следовало бы вешать габаритные огни.

— Хабар! Я — выяснила... — Стоя рядом, секретарша отыскала строчку и зачитала вслух: — Гарантийный залог — шесть процентов от заявленной... от заявленной стоимости.

— Шесть процентов — слишком много, — возразил я. — Должно быть четыре.

— Но так написано, — возразила Нюша.

— Ты уточни. Был заключён эксклюзивный договор, нам тогда специальное предложение сделали. Забыла?

— Ты со мной разговариваешь — безаляпиционно!

— Как я с тобой разговариваю?..

— Безаляпиционно! Опять к словам цепляться будешь?

— Не буду, солнышко. Уточни.

— Хорошо. — Посопев, Нюша добавила: — Завтра истекает срок лицензии.

— Большое спасибо, что напомнила. Шестой раз.

— Пожалуйста.

Вышла, победно вскинув подбородок.

Захотелось сделать второй глоток пива — из банки, зажатой в руке. Но тут с мелодичным звоном сработал факс на столе. Аппарат выплонул заполненный текст лист бумаги.

Я понуро уставился на счёт.

Плата за место на космодроме, за обслуживание корабля, за продление лицензии пилота-судовладельца.

Где я возьму столько денег? Персонал ждёт зарплату уже третий месяц...

Команда у меня как на подбор: Нихт Ферштейн, Чао Бамбино, Сакэ Фудзияма.

Сам я, кстати, — Хабар Липа.

Это не имена-фамилии. Это наши творческие псевдонимы, заработанные, можно сказать, непосильным трудом на стезе космических перевозок. Коллеги и конкуренты остры на язык. По вине моего творческого псевдонима грузопассажирское судно, которым я владею пятый год, неофициально именуют «Липучий Голландец».

Сделав второй глоток, я скрипнул зубами. Нужен фрахт. Большой. Срочно. Или фирме — конец.

Заглянул в базу. Кроме нас, сертифицированные услуги перевозчиков

Стратегический ресурс

Валерий ГВОЗДЕЙ

сейчас предлагали Фуа Гра и Ноу Хау. У них безупречная «кредитная история». Мечта всякого банка.

Чёртовы конкуренты. Им достаются лучшие фрахты...

Снова мелодичный звон.

На экране замигало изображение кулака с вытянутым указующим перстом.

О, боже!

Неужели — заявка?

Неужели кто-то предпочёл «Липучий Голландец»?

— Вы обратились в фирму... — начал я бодро.

Скрипучий голос перебил:

— Разовый контракт. Оплата — по достижении конечного пункта.

— Э-э, нет, — с ходу возразил я. — Сорок процентов — вперёд. Наши расценки знаете?

— Кхм... Знаю. Груз захватим по дороге.

— Что за груз?

— Вылет — немедленный. В противном случае позвоню Фуа Гра с Ноу Хау.

— Лишнее. Увидимся на борту.

Нажатию кнопки отправив вызов команде, я ринулся к выходу.

Шадящая гравитация Луны была кстати. Я нёсся прыжками.

Космодромный транспортёр вёз меня к стартовой площадке. Вдали сияли горы,

залитые светом Земли. А на противоположном краю поля, где базировался каботажный лунный флот, весело мерцала огнями эстакада с несколькими рядами направляющих.

Глядя в иллюминатор на привычные картины, я прикидывал, с чем придётся иметь дело.

Незаконный трафик наркотиков, спиртного? Торговля оружием?

Кто знает.

А фрахт нужен — до зарезу...

Транспортёр начал подруливать — в иллюминаторе появился выпуклый массивный обод судовой кормы, освещённый фонарями.

Наш корабль — «дырокол». Прокалывает тоннели в складках пространства. Оборудование для прокола находится в ободке. Недешёвое, разумеется, но с лихвой окупает себя. Когда есть фрахты.

Едва транспортёр пристыковался к шлюзовому рукаву, я поспешил на корабль.

У шлюза меня ждал невысокий, полный кок Сакэ Фудзияма, с благодушной улыбкой на губах. Он не японец — разрез глаз слегка восточный, от папы. Вопреки мягкой внешности — опытный летун, хлебнул вакуума. И кок превосходный.

Впрочем, круг его должностных обязанностей на корабле неопределённо широк. Отдав поклон, кок замер в ожидании распоряжений.

— Кажется, у нас — фрахт, — сказал я небрежно. — Сейчас прибудет клиент. Приготовь ему лучшую каюту, из пассажирских.

— Да, шкипер!

Сакэ, преисполненный энтузиазма, ринулся в каюту.

Искусственная гравитация на судне — как двойная лунная. Уже не до прыжков.

Через минуту в коридор ступил высокий худой старик.

Прямой. Каменное лицо. И — ледяной взгляд голубых дальнзорких глаз.

Седые волосы коротко пострижены.

Вероятно, бывший военный: свой гражданский костюм носит так, словно это генеральский мундир.

— Насколько я понимаю, вы капитан судна, — проскрипел клиент, вынимая документы.

— Вы не ошиблись.

Судя по документам — Виктор Корин, предприниматель. На фото он — в том же

костюме. Возникло подозрение, что паспорт изготовлен недавно.

Липа?..

Такая переключка с моим творческим псевдонимом, честно говоря, не порадовала.

В накладной десять транспортных контейнеров. Подробно расписано содержимое. Вроде бы ничего криминального, запрещённого к ввозу на планеты. Сельскохозяйственные орудия, семена растений.

— Всё доставим быстро и вовремя, — сказал я. — Где загрузимся?

— На Рете.

— Планета «оффшор»?..

— Верно. Когда примете груз, я назову конечный пункт.

— Ну что ж, давайте подпишем контракт... Вы готовы заплатить сорок процентов вперёд?

— Не вижу проблем. Скоро взлёт?

— Как только наш контракт зарегистрируют.

Мы взлетели спустя час. Платежи я с корабля отправил.

Световой год — чуть меньше девяти с половиной триллионов километров.

Совершая бросок, «дырокол» разом оставляет за кормой тысячи световых лет.

Притормаживал нас микроволновый космический фон.

Вселенная пронизана реликтовым излучением, буквально заполнена им. Все космические тела и частицы неизбежно теряют часть энергии, взаимодействуя с этими фотонами.

Раньше давлением реликта пренебрегали, но с появлением «дыроколов» стали учитывать как фактор, влияющий на точность навигационных расчётов.

* * *

В расчётах наш штурман Чао Бамбино — темноволосый красавец с карими глазами — руку набил изрядно. Вывел прямо к Рете.

Выйдя на орбиту, найдя грузовой терминал, я поставил судно к погрузке.

Складские автоматы поместили в трюм десять ребристых контейнеров серого цвета.

Пора двигать.

Я вызвал клиента по интеркому, доложил о завершении погрузки.

Он, сонно моргая, ответил:

— Капитан, я хочу вздремнуть. Не тревожьте меня до посадки.

— Но куда лететь?

— На Вирту.

Корин вырубил связь.

— Мы не забирались настолько далеко. — Штурман невольно поёжился. — Расчёты займут несколько часов.

— Приступай, — кивнул я.

— Погоди, есть кое-что ещё. — Бамбино смотрел на экран терминала. — Вирта находится в буферной, а по сути, в спорной зоне. Претендуют и Земля, и Союз выхитов... Сейчас там и человеческие, и выхитские поселения... Согласно договору, сторонам запрещено доставлять на планету новые контингенты. Пусть сам ход развития поселений и темпы освоения земель наглядно покажут, кто из соперников достиг больших успехов, не повредив экологию... Раз в год можно забросить груз сельскохозяйственных орудий, семян. Объёмы невелики. Планету в итоге получит сторона, победившая в соревновании... А за происходящим с орбиты следят представители обеих рас.

— В политику вляпались.

— Тебя не интересует, почему этот груз везёт гражданское, частное судно? Официальные поставки, ими занимаются федералы. При чём тут мы, а? Старик намерен доставить на Вирту что-нибудь сверхлимита?.. Нас же распнут, когда схватят!

Помолчав, я сказал:

— Ты считай. Пока наведуось в ходовую часть.

Инженер выглянул из-за колонн-накопителей.

— Проблемы, шкип? — Он выдал свою коронную улыбку висельника.

— Пойдём на груз посмотрим.

Нихт Ферштейн — лишь на словах нихт ферштейн. На самом же деле — сразу понял, что к чему. Захватил мощные сканеры.

Надев скафандры, прошли сквозь трюмный шлюз.

Повинуясь сервоприводам, массивная дверь поползла вверх.

Контейнеры стояли плотно, в двухэтажных боксах.

Идя к ближайшему, Ферштейн активировал сканер.

Я, встав рядом, смотрел на экранчик.

Ровный серый тон.

— Ну-ну... — пробормотал Нихт и повысил чувствительность.

Сканер обиженно загудел.

Ничего.

Ровный серый тон.

Не помог и второй сканер.

Мы с инженером переглянулись.

Да уж.

Материал, из которого изготовлены контейнеры, не позволял установить, что за груз там, внутри.

Такой материал использовался военными, когда нужно перевезти секретное оружие.

В общем, вряд ли груз соответствует накладной.

Снова — липа.

И снова переключка с моим творческим псевдонимом радости не доставила.

* * *

Видимо, люди на Вирте проигрывают соревнование. Готовятся к военным действиям.

А вдруг нас перехватит выхитский боевой корабль, досмотрит? Каково будет наказание?

Стать крайним в политической игре двух космических рас?.. Нет уж, спасибо.

У Корина имеется биометрический единый ключ от контейнеров.

Но старик просил не тревожить до посадки.

— Сумеешь вскрыть контейнер? — спросил я.

— Всю ответственность шкипер возьмёт на себя?

— Разумеется.

Нихт приступил. Я нервно расхаживал за его спиной.

Что же в контейнерах?

Автономные боевые роботы? Установки тактических, а то — стратегических ракет?

Через полчаса хитрое запирающее устройство контейнера — сдалось. Мой инженер хлеб не даром ест.

Рифлёные металлические створки раскрылись.

— О, чёрт... — простонал Ферштейн.

— Согласен, — кивнул я.

Контейнер был доверху набит криокапсулами. Только в середине оставлен проход, куда выведены контрольные датчики жизненных показателей.

Сквозь прозрачные колпаки я видел нежные лица девушек, спящих низкотемпературным сном.

— Мерзавец... — выдохнул инженер.

— Согласен, — кивнул я, глядя на датчики. Жизненные показатели — в норме. А вот остальное...

Бедняжек, скорее всего, продадут в публичные дома. Вряд ли на Вирте, поскольку там не ко времени. Значит, Вирта — не конечный пункт, старик обманул. Живой товар предназначен для каких-нибудь диких миров, где работает система галактического секс-туризма. Девушки станут игруш-

ками в руках похотливых самцов разных космических рас.

Торговля живым товаром карается пожизненным заключением, без амнистии, но зато — с конфискацией всего имущества.

Надо же, в какую пакость втравил нас старый хрыч.

Почти втравил.

Потому что мы — разрываем контракт.

Неустойка будет огромной. Возможно, я буду вынужден продать корабль...

Эй, что за бредни! Корин — преступник.

Любой суд оправдает нас.

Скрипнув зубами, я бросил:

— К старику.

Инженер тихо вскрыл дверь каюты. Мы вошли.

Нихт вынул пистолет из-под шёлковой подушки. Я сдернул одеяло.

Клиент растерянно озирался, приходя в себя.

— Ты хотел использовать нас втёмную? — Фыркнув, я швырнул одеяло на пол. — Дураков ищи в другом месте!

Корин сунул руку под смятую подушку. Не обнаружил пистолета.

Взлетел, как пружина, и кинулся на меня. Рефлексы у него оказались на уровне. Так что если бы Ферштейн не перехватил и не съездил в челюсть, я бы заработал синяк.

Отбивающегося Корина мы скрутили вынутыми ремнями. Клиент был зафиксирован.

— Куда его девать? — спросил Нихт.

— Сунь в мешок для биологически опасных материалов, — сердито буркнул я, направляясь к выходу. — Когда вернёмся на Луну, сдадим властям.

— Идиот!.. — зарычал старик. — Ты срываешь федеральную операцию!..

— Ну да, конечно. — Я повернулся. — Расскажи нам сказочку.

— Это сверхсекретная программа!..

Ферштейн в ответ рассмеялся и выдал свою коронную улыбку висельника.

Поняв, что развязывать его мы не собираемся, клиент начал говорить.

* * *

Соревнование двух рас на Вирте займёт десятилетия.

Работы всё больше. Освоенная территория — всё больше. Нужен прирост населения.

В отрядах землян-первопоселенцев крайне мало женщин.

А каждый выхыт, как неожиданно выяснилось, — двуполое существо, никаких проблем с размножением.

В такой ситуации незамужние девушки — стратегический ресурс.

Комиссия по колонизации провела конкурс. Девушки нашлись.

Провезти стратегический ресурс нужно тайно, в тот момент, когда выхыты будут заняты проверкой официального груза.

Для отвода глаз земляне устроят шум при досмотре.

Конфликт почти на грани боевого столкновения потребует одновременного присутствия всех кораблей выхытов.

Необходимо сесть на другой стороне планеты. Выгрузить контейнеры с капсулами. И, взлетев, раствориться в пространстве.

Конечно, риск был.

Как раз поэтому груз лучше доставить чужими руками. Если что сорвётся, акцию можно выдать за частную инициативу.

— Чепуха, — сказал я. — Допустим, всё удалось. Появились дети. Выхыты разве не спросят вас: малыши откуда? В капусте нашли?

Старик отмахнулся:

— По сути, конфликт из-за Вирты — первый контакт выхытов с людьми. Выхыты мало что знают о людях. Возможно, думают, что люди, как выхыты, существа двуполые.

— Но ведь узнают.

— Вирта занимает выгодное положение, Земля не может уступить. Ну и — победителей не судят... Развяжите меня.

— Ещё чего. Кто подтвердит ваши слова?

— Операцию курирует федеральная служба внешней разведки. Я дам номер. Свяжитесь.

— Хорошо, допустим, вы сказали правду. Какой смысл нам рисковать жизнью?

— Плачú вдвойне.

— Риск слишком велик.

— Плачú тройную цену.

— Жизнь-то всего одна.

Хотелось поторговаться.

Корин так легко повышал ставку. Наверное, кредит неограниченный.

Хотя наглеть — тоже не следовало. В разведке быстро от наглецов избавляются.

— Как насчёт пятикратной цены? — спросил я, прикинув.

— Ладно. Только это предел.

— Ну, а гарантии? Что вашим коллегам мешает устранить перевозчиков — нежелательных свидетелей? Ведь игра серьёзная.

Клиент посмотрел в глаза:

— Придётся вам подписать кучу бумаг о неразглашении.

— Подпишем. Нихт, развяжи нашего гостя.

Ферштейн развязал мигом.

Сидя на краю постели, Корин массировал запястья.

— Вы случайно выбрали нас? — поинтересовался я.

— Разумеется, нет. Проверили, вдоль и поперёк... Десантное прошлое. Несколько боевых наград. Моему руководству показало — справитесь.

— Хм... И, конечно, устроили нам простой, чтоб мы не воротили нос...

По номеру я позвонил. Убедился.

Вопрос с документами утрясли.

Попутно выторговал некоторые льготы в профессиональной сфере.

Грех было не воспользоваться.

Лишь потом я собрал команду — начал планировать акцию.

Хороший перевозчик сто очков вперёд даст федеральной службе внешней разведки. **tm**

Он осушил эту колбу одним глотком, на этот раз вкус жидкости показался ему вполне терпимым.

Шефом оказался невысокий бесцветный человек лет 40, хотя при современных технологиях омоложения и придания солидности утверждать наверняка это было трудно. Он был вполне приятным, хоть и несколько суховатым человеком, с таким не поговоришь по душам, а впрочем, это даже лучше, подумал Градин. Начальник подробно рассказал о работе, а затем выразил готовность обстоятельно ответить на все вопросы. Конечно, больше всего Градина интересовало, что же с ним вчера происходило и каково назначение загадочной синеватой жидкости. И как только получил возможность, он осторожно поинтересовался этой темой.

Оказалось, всё дело в особой атмосфере Венеры, в составе которой преобладает смесь высокорadioактивных газов. Воздух в куполах городов приближен к земному искусственно, поэтому у многих людей наблюдаются некоторые побочные эффекты. Для подавления их и был изобретён синеватый коктейль — «Комплексон-2Н». «Беспокоиться не стоит, всё проверено, всё безопасно». Эта версия вроде бы всё объясняла, однако осталось смутное ощущение, что рассказали не всё, а только то, что положено было знать. «Да начальники все такие», — подумал Градин и решил для себя, что раз проблема решена, то и беспокоиться о ней не стоит.

До конца дня нужно было выполнить тестовое задание, довольно простое, в расчётах только нужно было делать поправку на использование катализаторов ускорения реакции. На Венере не любили долго ждать результатов.

В конце рабочего дня к нему заглянул Егоров: — Заканчивай, нюхач, пойдём кутить! Выпив предварительно по порции заветного коктейля, «пропустив по рюмочке», как они для себя окрестили этот ритуал, приятели отправились в город.

По дороге их охватило радостное возбуждение, но не беспричинное, как вчера: они вспоминали...

— А помнишь, Костя, как ты единственный из всего курса провернул молекулярный синтез 2-замещённого кислорода. Головастый ты уже тогда был.

— А помнишь, взмээсника прикололи. Он ещё полгода нам жизнь портил, я у него потом три раза пересдавался.

— А помнишь... её?

— Конечно, как забыть...

— Как она там, вы видите?

— Она... замуж вышла, двое мальчишек, а больше я ничего не знаю.

Они помолчали.

— А ты, Кость, не женился ещё? Пора-пора, — Градин ласково пожурил приятеля, — где же ещё создавать семью, как не здесь! А женщины тут...

— Нет, и не собираюсь, — оборвал его Егоров, — по крайней мере, здесь... Понимаешь, тут всё не так, как на Земле. Счастье, любовь — всё другое. Ты только не думай, что я, сопливый иммигрант, тоскую тут по родным берёзкам. — Егоров посуровел, и Градин понял, что да, тоскует, стыдится этого, но тоскует!

— Понимаешь, когда 20 лет назад только начиналось освоение Венеры, и сюда прилетели отцы-основатели, они были счастливы, что проложили человечеству путь к звёздам, открыли далёкие миры, что началась новая эра в истории человечества, и все проблемы Земли теперь решаются на «раз-два». Да что я тебе объясняю, это каждый землянин знает с пелёнок. Но постепенно стало понятно, что наши возможности не так безграничны, как это казалось.

Например, считается, что всё необходимое для жизни здесь мы производим на месте, что урожаи наши бьют рекорды, — якобы на Венере наука достигла небывалого расцвета.

Чёрта с два! Пройдёт ещё лет 20, прежде чем тут вырастет хоть что-то.

Дальше, по официальной версии, мы сами для себя производим кислород. На завод экскурсии водят, показывают-рассказывают, каких успехов достигла наука.

На самом деле синтезированного кислорода, разведённого в годной для человека пропорции, хватает от силы на десятерых в день. И так во всём. По сути, мы здесь ещё больше зависим от Земли, без поставок оттуда мы не протянем и трёх дней, — Егоров говорил настолько невероятные вещи, что Градин готов был подумать, что он пьян, но на Венере запрещена выпивка.

— Как это ни прискорбно, мы зашли в тупик. Только мало кто об этом знает.

— А для чего тогда всё это...?

— Враньё? — подхватил Егоров, — ты знаешь, какие деньги выделяет земное правительство на венерианский проект? Да дело и не в них. Надежда! Ничто не стоит так дорого и не продаётся так дешево, как надежда. На Земле перенаселение, голод,

эпидемии, теракты, миллиарды людей спят и видят, как собирают чемоданы и покидают грязную, унылую, голодную, увязшую в войнах и насилии Землю. Всего-то двое суток лёту, и ты в раю!

Градин был шокирован. И сейчас, вдали от родной планеты, ужасы прошлой жизни не померкли, а лишь ещё ярче проступили. На фоне рукотворного райского блаженства вспоминать о реалиях земной жизни было особенно горько. И горше всего видеть, что и рай на Венере и ад на Земле создал человек. Все проблемы меркнут по сравнению с тем, что люди утратили последние капли человечности. Те, кто может что-то изменить, преступно бездействуют. Облечённые властью заняты упрочением своего положения и приумножением состояния, наживаясь на бедствиях более слабых. Кто-то буквально озверел, отчаяние поставило их за грань добра и зла, как одержимые, они грабят, насилюют, убивают и, в конечном счёте, гибнут от рук таких же зверей.

Остальные впали в сонное оцепенение, вяло ожидая проблеска хоть какой-то надежды, хоть единого шанса на лучшую жизнь, они ждут его, как нищий ждёт подачки. Переселение на Венеру — новая «американская» мечта, сверкающая надежда всех страждущих, голодных, униженных и тоскующих, растиражированная идеология золотого миллиарда, обещание лёгкого пути в рай для каждого. И каждый замер в ожидании возможности улететь от ужасов земной жизни и зажить себе без забот в цветущем краю. Прощение грехов и пропуск в рай — самая упоительная мечта человечества.

Изошрённые идеологи земного правительства и особо ловкие дельцы шуубиза уже запустили механизм раскручивания Великой Надежды: многочисленные шоу, лотереи с розыгрышем вида на жительство, продажа туров на Венеру, фильмы, музыка — все и вся кричит: беги, беги с Земли, скорее в рай! Но куда бы мы ни убежали, от себя не убежишь...

— Так может всё это того стоит? — не отступал Градин, — счастье, надежда? Ну, стоит же!

— Даня-Даня, ты всегда был идеалистом. Всё те эмоции, радость, счастье, эйфория — не больше чем иллюзия. Вся эта затея с синтезом кислорода — не просто обман доверчивых дилетантов, а хитроумное прикрытие грандиозной каверзы. В общем, мы синтезируем высоколетучие